

Российская национальная библиотека

КНИЖНОЕ ДЕЛО В РОССИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Сборник научных трудов

Выпуск 21

Санкт-Петербург
2022

УДК 002
ББК 76.17+76.10
К 53

Составление и научная редакция:
Н. А. Гринченко, О. Н. Ильина, Н. Г. Патрушева (отв. ред.)

Редактор: Г. А. Мамонтова

Рецензенты: Д. А. Эльяшевич, доктор ист. наук
Н. В. Николаев, доктор филол. наук

Сборник продолжает серию «Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX века». Часть материалов была представлена в качестве докладов на Павленковских чтениях в РНБ. В статьях, написанных на основе широкого круга источников, раскрываются традиционные для сборника темы по истории книжной культуры: издательское дело, книжное дело в провинции, история чтения и библиотек, история цензуры.

Сборник представляет интерес для книговедов, историков, литературоведов и всех, интересующихся историей отечественной культуры XIX — начала XX века.

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета РНБ

Подписано к печати 18.01.2022. Формат 60×84/16. Бумага писчая.
Усл. печ. л. 23,0. Уч.-изд. л. 22,0. Печать по требованию. Заказ № 34

Издательство Российской национальной библиотеки. Отдел оперативной полиграфии РНБ.
191069, Санкт-Петербург, Садовая ул., 18.

ISBN 978-5-8192-0618-8

© Российская национальная библиотека, 2022

ПУБЛИКАЦИИ И СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Письмо И. С. Аксакова к княгине Е. А. Черкасской о лишении его прав редактора и приостановке газеты «День» от 11/12 июня 1862 года

*Вступительная статья, публикация и комментарии
Д. А. Бадаляна*

Еженедельная газета «День», о которой идет речь в этой публикации, была создана и издавалась в Москве Иваном Сергеевичем Аксаковым (1823—1886) с 15 октября 1861 г. до конца 1865 г. Будучи единственным в то время печатным органом славянофилов, она являлась одним из самых острых и ярких периодических изданий своего времени.

Публикуемое письмо — одно из ряда писем И. С. Аксакова к княгине Екатерине Алексеевне Черкасской (урожденной Васильчиковой; 1825—1888) за 1859—1862 гг., которые хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства. Из этого эпистолярного комплекса, да и, пожалуй, из всей переписки Аксакова, оно выделяется тем, что представляет наиболее полную, обобщенную картину событий, связанных с лишением автора письма редакторских прав, состоявшимся по распоряжению императора Александра II в июне 1862 г.

Адресат письма, Екатерина Алексеевна, была женой славянофила князя В. А. Черкасского, который в 1858—1860 гг. являлся членом Редакционных комиссий, разрабатывавших Крестьянскую реформу, а в 1861—1863 гг. — мировым посредником в Венёвском уезде Тульской губернии. Добавим, что она была дочерью сенатора А. В. Васильчикова и сестрой А. А. Васильчикова, дипломата и историка искусства, в будущем — директора Императорского Эрмитажа.

Обстоятельства, предшествовавшие приостановке издания аксаковской газеты «День», и история самой приостановки были прежде представлены нами на основе целого ряда аксаковских писем и других архивных источников¹. Но в этом письме, отправленном спустя несколько дней после решающих событий, Аксаков рисует более емкую и цельную картину

¹Бадалян Д. А. «...Загорелся сыр-бор за статью о духовенстве»: газета «День» в переписке И. С. Аксакова и князя Д. А. Оболенского (1861—1862) // Христианство и русская литература. СПб., 2017. Сб. 8. С. 456—465.

произошедшего. Здесь же настойчивее всего издатель газеты «День» обвиняет в ее приостановке (а тогда казалось — закрытии) управляющего Министерством народного просвещения А. В. Головнина. Однако именно это обстоятельство нуждается в развернутых комментариях.

В описанных Аксаковым событиях Головнин, безусловно, играл весьма важную роль. Под его руководством осуществлялась деятельность цензурного аппарата, и он представлял императору доклады по делу газеты «День». Тем не менее не стоит, вслед за Аксаковым, считать управляющего министерством главным его противником и инициатором лишения его редакторских прав. Ведь спустя два месяца тот же Головнин поддержал возобновление издания «Дня» сначала под номинальным руководством друга Аксакова Ю. Ф. Самарина, а с января 1863 г. — под официально указанной редакцией самого Ивана Сергеевича. Ход переговоров между Головниным с одной стороны и Самариним и Аксаковым с другой стороны также уже был подробно рассмотрен нами ².

Судя по всему, Головнин, склонный к закулисным интригам и компромиссам с более влиятельными политическими фигурами, и в июньской истории с приостановкой «Дня» оказался лишь одним из участников конфликта, но отнюдь не главным. В разгар событий, 6 мая 1862 г., Аксаков в письме князю Д. А. Оболенскому восклицал: «Головнин бессознательно служит немецкому началу, для которого русская народность есть величайший ненавистнейший враг. Чернышевский и правительство одного поля ягода: оба ренегаты относительно русского народа, оба приверженцы западного деспотизма, только в разных видах, — оба немцы. Это ожесточенное преследование „Дня“ и вообще славянофильских органов есть явление историческое, многозначительное, — борьба петербургского правительства и петровского направления с народом и народным самосознанием» ³.

Подчеркнем, что, указывая на упорное противостояние его газете и славянофилам «немецкого начала» (то есть «немецкой партии» ⁴),

² Письма и документы Ю. Ф. Самарина и А. В. Головнина о возобновлении издания газеты «День» (июнь — октябрь 1862 г.) / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. Д. А. Бадаляна // Цензура в России: история и современность : сб. науч. тр. СПб., 2015. Вып. 7. С. 309–327.

³ И. С. Аксаков — кн. Д. А. Оболенскому, 6 мая 1862 г. // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 30. Л. 65 об.

⁴ Здесь под «немецкой партией» мы имеем в виду группировку в правительственных и придворных кругах, отстаивавшую интересы немецкого дворянства в Прибалтийских губерниях и за их пределами. Порой ее интересы поддерживали не только этнические немцы, но и русские дворяне, мыслившие в духе европейского космополитизма. Некоторые из них, такие как П. А. Валуев и

Аксаков причислял Головнина лишь к его «бессознательным» союзникам. Враждебность самой «немецкой партии» Аксаков ощутил сразу после выхода первых номеров своей газеты. В ноябре 1861 г. он рассказывал в письме А. Н. Бахметевой: «Австрийское посольство, немецкая партия и поляки также стараются мне подставить ножку в Петербурге»⁵.

Если Головнин был «бессознательным» союзником «немецкой партии», кто же являлся более влиятельным и последовательным противником «Дня»?

И прежде, и в последующие годы таковыми были главный начальник III отделения князь В. А. Долгоруков и министр внутренних дел П. А. Валуев (он как раз в это время, в 1862 г., принимал в свое подчинение цензуру⁶). Известна их роль в лоббировании интересов немецкого дворянства в Остзейском крае⁷. В 1858—1859 гг. по инициативе III отделения (возглавляемого В. А. Долгоруковым и А. Е. Тимашевым) ряд запретительных мер был принят в отношении славянофильских изданий и Аксакова, о чем сам он в ноябре 1859 г. с возмущением рассказывал графине А. Д. Блудовой⁸. Долгоруков и Валуев пытались прекратить издание «Дня»

П. А. Шувалов, будучи включенными в матрикулы остзейского дворянства, имели личную заинтересованность в защите его особых привилегий. Столкновения с «немецкой партией» начались у славянофилов в 1830—1840-е гг. Издания Аксакова вызывали ее вражду постоянным стремлением к развитию национального самосознания, к упрочению связей между славянскими народами и критикой привилегированного положения остзейских баронов. О самом явлении «немецкой партии» и о связи с нею III отделения см.: *Бадалян Д. А.* Ю. Ф. Самарин, славянофилы и борьба с «немецкой партией» // Тетради по консерватизму. 2019. № 2. С. 41—48 и др.

⁵ Щукинский сборник. М., 1912. Вып. 10. С. 232. Письмо без даты, содержащее лишь имя и отчество адресата и ее мужа, отправлено вскоре после того, как 2 ноября 1861 г. Аксаков получил послание графини Е. В. Салиас-де-Турнемир, упомянутое в этом письме.

⁶ 10 марта 1862 г. Александр II подписал указ о преобразовании цензурного управления, согласно которому начался поэтапный переход цензуры в ведение Министерства внутренних дел. В силу этого Головнин оказался в делах цензуры подконтролен Валуеву, который имел возможность докладывать императору о его упущениях.

⁷ *Милютин Д. А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1865—1867 / под ред. *Л. Г. Захаровой.* М., 2005. С. 148—149.

⁸ Новое о цензурной истории славянофильских изданий — газет «Молва» и «Парус» и журнала «Русская беседа»: (из неопубликованной переписки И. С. Аксакова и графини А. Д. Блудовой 1858—1859 гг.) / вступ. ст., подгот. текста и

еще в январе 1862 г.⁹ и выступали как его противники в последующие годы. Позднее Валуев и новый начальник III отделения граф П. А. Шувалов явились антагонистами газеты «Москва», которую редактировал Аксаков и в которой он сам и Самарин печатали весьма резкие статьи по остзейскому вопросу¹⁰.

Если наше предположение верно, то в начале июня 1862 г. судьбу «Дня» предрешил не «Очерк городского местного духовенства» (№ 31), о котором Аксаков рассказывает в своем письме, а другая публикация — передовая (№ 34), в которой, споря с «Рижской газетой», Аксаков заявил об остзейских немцах: «Преданные Русскому престолу они <...> проповедают в то же время бой насмерть *Русской народности*; верные слуги Русского *государства*, они знать не хотят *Русской Земли*» (здесь и далее выделено в тексте. — Д. Б.)¹¹. Статья эта имела для Аксакова программный характер, и он намеревался продолжить ее в следующих номерах.

Придворная «немецкая партия» никак не могла допустить появления продолжений этой статьи. Опасался обострения «межпартийных» немецко-русских противоречий и Александр II. Прочитав изложение статьи в представленном ему обзоре печати, он заметил: «Эту полемику желательно бы прекратить. Пользы она никакой принести не может, а только еще более возбудит обоюдные нарекания»¹². И цензура тут же разослала соответствующий циркуляр¹³.

Однако этот циркуляр не успокоил «немецкую партию», которая стремилась добиться закрытия «Дня», но предпочитала действовать за кулисами. Поэтому, во-первых, в качестве причины для прекращения издания была выбрана другая статья — посвященная проблемам православного духовенства. Она еще ранее вызвала возмущение придворных кругов. Это возмущение, вероятно, было искусственно раздуто и интерпретировано так, чтобы как можно хуже представить Аксакова в глазах императора. В пользу этого говорит то, что осторожная московская цензура, сделав в статье о духовенстве

коммент. А. П. Дмитриева // Цензура в России: история и современность : сб. науч. тр. СПб., 2021. Вып. 10, ч. 2. С. 162.

⁹ Бадалян Д. А. «...Загорелся сыр-бор за статью о духовенстве»... С. 434—435.

¹⁰ Его же. Ю. Ф. Самарин, славянофилы и борьба с «немецкой партией»... С. 52—57.

¹¹ Аксаков И. С. Сочинения. М., 1887. Т. 6. С. 6.

¹² Извлечения из газет и журналов, представленные Александру II в мае-августе 1862 г. // ОР РНБ. Ф. 208 (Головнин А. В.). Д. 113. Л. 55.

¹³ По высочайшему повелению о прекращении полемики о немцах и славянофилах // РГИА. Ф. 773 (Особенная канцелярия министра народного просвещения). Оп. 1. Д. 145. Л. 1—2.

несколько купюр, пропустила ее в печать, не ожидая от нее проблем (редактор «Дня» подчеркивает это в публикуемом письме). Во-вторых, «немецкая партия» зачастую предпочитала действовать чужими руками¹⁴, и здесь дело было представлено так, что упреки и обвинения Аксакова пали даже не на ее ближайших союзников, Долгорукова и Валуева, а на Головнина, игравшего в данной интриге роль исполнителя.

После почти трехмесячного перерыва газета «День» продолжила выходить уже под номинальным руководством Самарина. Но прежде, чем это произошло, министр народного просвещения вызвал его в С.-Петербург для личной беседы. Понимая, что перед ним поставят некие условия, Самарин ехал в столицу с готовностью отказаться от издания. Однако этого не случилось (а с января следующего года Аксакову позволили стать официальным редактором «Дня»)¹⁵. Какие именно условия Головнин предъявил Самарину — неизвестно, но, судя по тому, что в следующие три года в газете не появилось ни одной передовой статьи, посвященной привилегированному положению немецкого дворянства или «остзейскому вопросу» в целом, можно предположить: отказ от громких заявлений по этим темам был одним из немногих условий.

При этом в феврале 1863 г. Аксаков в письме Н. П. Гилярову-Платонову утверждал: «То единство и общение между собою, которые были в древней Руси, — Царя, общества и народа, — нарушены <...> Русский народ, относясь к власти по-прежнему, как будто с XVII века не произошло никаких перемен, представил неограниченную власть — *немцам*, неограниченный произвол — *немецкой бюрократии*; это никогда не входило в его расчеты»¹⁶. Время от времени аксаковская газета позволяла себе отдельные корреспонденции или заметки, касавшиеся положения в Балтийском поморье. Причем большинство их пришлось на период с мая 1864 по конец 1865 г., когда эта проблема была подхвачена целым рядом московских и столичных газет.

¹⁴ Подобная тактика была характерна для остзейцев. Так, преподаватель русского языка Д. В. Мевес, ставший жертвой их интриг из-за корреспонденции, посланной им из Арнсбурга в газету «Москва», в 1869 г. объяснял в письме А. А. Майкову: «Всего грустнее то, что немец орудием своей мести против меня избирает русских же людей. Через русских русскому насолить, навредить — а самому быть в стороне, вот его обычные приемы» (Д. В. Мевес — А. А. Майкову, 11 сентября 1869 г. // ОР РНБ. Ф. 452 (Майковы). Оп. 1. Д. 289. Л. 3).

¹⁵ Письма и документы Ю. Ф. Самарина и А. В. Головнина о возобновлении издания газеты «День» (июнь — октябрь 1862 г.)... С. 323—324, 331.

¹⁶ Люди русской правды: переписка И. С. Аксакова с государственными и общественными деятелями (1855—1886). СПб., 2018. С. 235—236.

Единственная резкая и решительная статья о положении крестьян в Остзейских провинциях вышла в «Дне» 27 ноября 1865 г. (№ 47/48)¹⁷. К этому времени Аксаков принял решение с окончанием года завершить издание газеты. Ему оставалось выпустить лишь три декабрьских номера, и цензурные репрессии его не пугали. Это сознавали и власти, в лице Валуева, под контроль которого к тому времени перешла цензура. И чтобы не привлекать к «Дню» излишнего внимания, они были вынуждены закрыть на эту статью глаза.

Спустя годы III отделение и Валуев, как уже было отмечено, продолжили борьбу с Аксаковым и редактируемой им в 1867—1868 гг. газетой «Москва»: за 15 месяцев выхода ее в свет газета получила 9 предостережений. По существующим тогда правилам третье предостережение означало приостановку издания на несколько месяцев. Примечательный факт: самое первое предостережение, как считал Ф. И. Тютчев, было вынесено «Москве» за критику деятельности III отделения, а после — каждое третье (то есть обеспечивающее приостановку издания) объявлялось именно за публикации по остзейскому вопросу и вообще о положении немцев в России¹⁸.

Письмо публикуется по микрофильму с автографа: РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 167. Л. 16—20 об. Авторские подчеркивания выделены курсивом. Сокращения и конъектуры раскрыты в квадратных скобках.

Благодарю Д. В. Руднева и Н. М. Сперанскую за помощь в разборе и переводе французских выражений.

Москва.

11/12 июня 1862 г.

Если бы Вы знали, дорогая княгиня, как мне самому больно, что я столько времени не перемолвил слова ни с Вами, ни с князем. Еще больнее думать, что Вы приписали это, может быть, недостатку участия. Я знал, что Вы были тяжело больны, но имел постоянные сведения о ходе Вашей болезни. Но написать мне было трудно потому, что хотелось написать много, или, по крайней мере, обстоятельно, — а на это-то и не хватало у меня времени. Как Вы добры, и как я Вам благодарен, что Вы дали о себе весточку.

И я Вам сообщу весть о себе, но самую для меня тяжелую: «День» — запрещен. Вчера я дал полиции подписку в объявлении мне Высочайшего повеления о воспрещении мне продолжать издание газеты «День». Как, почему, что это значит? — воскликните Вы... Вот тут-то и трудность: прихо-

¹⁷ Аксаков И. С. Сочинения. М., 1887. Т. 6. С. 9—16.

¹⁸ Подробнее см: *Бадалян Д. А.* Ю. Ф. Самарин, славянофилы и борьба с «немецкой партией»... С. 52—60.

дится так издалека начинать, так много рассказывать. Теперь, конечно, благодаря Головнину, я свободен, но писать пришлось бы чуть не целую стопу бумаги! Ограничусь самым существенным, а остальное при свидании.

Враждебный образ действия Головнина ¹ начался еще при Вас. Должно быть, партия Мраморного дворца ², пощупав меня, нашла меня себе не по вкусу. С тех пор вражда Головнина с «Днем» только усиливалась, и трудно исчислить весь перечень его предательских штук. Я пришел к искреннему убеждению, что Головнин — чистейший мошенник, но это русское слово передает слабо его свойства; он из породы тех, которых французы зовут — *éscroc* или *filou* *, и если не крадет платков из чужих карманов, так потому, что «в том нужды не находит». Не думайте, чтоб мои слова были мне внушены раздражением. Нет, Головнин возбудил к себе всеобщее презрение. Не знаю Вашего мнения о нем, но уверен, что князь за него стоит горю, — по крайней мере Самарин ³ — готов был за него распинаться. Ум свой он проявил только в плутовстве, — и напротив во всех положительных актах, по своему Министерству, наделал только глупостей и при том самых безобразных.

Я расскажу Вам только один случай, со мной бывший месяца полтора тому назад. Этот случай из многих ему подобных.

Была помещена в «Дне» статья Ламанского ⁴ — о Кравкове — дворянине-старовере ⁵. К этой статье я написал небольшое примечание, правда — очень резкое, но которое я писал именно в том предположении, что цензура половину вычеркнет, а половина останется. Я показал Цензурному комитету, он нашел, что пропустить невозможно; я не стал настаивать и хотел было взять свою статейку назад, но Щербинин (сенатор, председатель Комитета) ⁶ не дал, оставил ее у себя, и при *частном письме* отправил к Головнину не для того, чтобы просить разрешить ее напечатать, а чтоб показать, как говорил он, каков вольнодумец редактор «Дня». Словом — донес. Головнин отвечал Щербинину тотчас, что он хорошо сделал, не пропустив мою статью, и что вообще «День» следует цензурировать как можно строже ⁷. Прошло три недели, в это время была у нас переписка с Головн[иным] по поводу другой статьи, и одно письмо мое его раздражило. В отмщение что же он сделал? Он решился пустить в ход статью мою о Кравкове, — несмотря на то, что эта статья была *comme un fait juridique non avenu* **, потому что она не принята была цензурой, вопроса о пропуске ее поднято не было, попала она к министру не по порядку, а частным образом ⁸. Это все равно, если б он вздумал давать официальный ход моему частному письму, рукописи,

* Прохвост или шулер (*фр.*).

** Как юридический факт недействительна (*фр.*).

взятой с моего стола и т. п. — Но каким образом представить ее Императору, как мотивировать такое действие, особенно спустя три недели после письма Щербинина и после канцелярской * «очистки» этого обстоятельства — официальным Щербинину ответом. Рассчитывая на то, что я, вероятно, пустил в ход копии с моей этой статейкой, он придумал такую штуку: условился с Валуевым⁹, частным образом, потихоньку сообщил мою статейку в копии и надомнил Валуева запросить Головнина — об этой статье. Головнин ошибся. Я ни единого экземпляра не давал списывать с своей черновой ** статьи и не выпускал ее из своего ящика, а статья, представленная мною в цензуру, в тот же день при секретном письме Щербинина была отослана к Головнину, и Валуеву получить статью было неоткуда! — Вскоре в Ценз[урном] комитете была получена бумага следующего содержания от Головнина: «Министр Валуев, представляя мне копию со статьи г. Аксакова о Кравкове, спрашивал меня: известна ли мне эта статья, точно ли она писана Аксаковым, была ли представлена и когда именно в цензуру, и проч[ее]. *Вследствие сего*, я нашелся вынужденным доложить эту статью Государ[ю] Импер[атору], который Высочайше повелел объявить г. Аксакову, что *если и на будущее время будут им представлены в цензуру (?!) статьи, заключающие в себе вредные мысли, подобные тем, какие находятся в этой статье, то газета его будет запрещена*»¹⁰. Он же представил ее в[еликому] князю¹¹, который, призвав Оболенского¹², — велел ему передать свое негодование на направление моей газеты и проч[ее]. Весь смысл довольно длинного compte-rendu *** Оболенского — его разговор с в[еликим] кн[язем] заключался в том: «Мы ли не славянофильничаем, а он в наши ряды не становится и относится к нашему славянофильству не сочувственно!»¹³.

Вообще, с того времени я стал получать постоянные предостережения, что Валуев и Головнин, и жида, и высшее духовенство, и немцы — решились во чтобы то ни стало избавиться от «Дня» и ищут только верного случая. —

В 31 № «Дня» помещена была мною статья «Очерк правосл[авного] духовенства в Западной России», с предисловием от редакции¹⁴. Автор, бедный человек, принадлежащий к духовному званию¹⁵, просил меня письмом печатать его статью только в таком случае, если имя его может быть скрыто. Я показал статью цензорам: они сказали, что с некоторыми выпусками статья может быть пропущена; я согласился и напечатал статью, не предвидя,

* Вставлено над строкой.

** Вставлено над строкой.

*** Изложения (*фр.*).

что она произведет сильное * раздражение, не в Западном духовенстве, до которого относилась, но в С[анкт-]П[етер]бургской черной духовной аристократии. Особенно кн[язь] Урусов¹⁶ возмущался и говорил одному моему знакомому, что духовное начальство непременно добьется имени автора, и тогда они с ним распорядятся по-своему. Вероятно, они забежали к Государю, потому что в скором времени последовал ко мне от Головнина (через Ценз[урный] комитет) запрос по Высоч[айшему] повелению: объявить имя, звание и место жительства автора¹⁷. Я отвечал, что ответственность за статью я принимаю на себя, и что объявить имя автора для меня есть нравственная невозможность¹⁸. Последовал 2 запрос от Головнина с угрозой, что со мной будет поступлено по законам. Я признавал это совершенно справедливым: закон (61 ст[атья] Ценз[урного] устава¹⁹) действительно обязывает редактора объявить имя по первому требованию правительства, но он же говорит, тут же, что если редактор, несмотря на требование правительства, не объявит имени автора, то он «подвергается наказанию по 310 ст[атье] Уложения о наказ[аниях]», — т. е. штрафу до 50 р[ублей] или аресту до 7 дней (разумеется, по приговору суда). Этот закон подтвержден три недели тому назад временными цензурными правилами, изданными Головниным, с Высоч[айшего] одобрения, впредь до окончания трудов известной Комиссии²⁰, — и розданными всем редакторам для руководства. Я очень хорошо знал этот закон и готов был подвергнуться всем его последствиям, т. е. преданию суду и аресту или штрафу. Но не этой цели добивался Головнин. На этот второй запрос я отвечал пространственным объяснением, которое прилагаю Вам в копии: прилож[ение] № 1²¹. Прочтите его. Все были уверены, что если только Государь прочтет его, то, как честный человек, отзовется ** на честную речь, и дело кончится неважным. Забота была только о том, чтоб оно дошло до Государя, и я послал копию Тютчевой²². — Головнин представил объяснение Государю, но при представлении употребил следующую хитрость: он не привел *на справку* закона, даже не упомянул об нем. Если б он испрашивал разрешение *поступить со мною по всей строгости законов*, так Государь, конечно, не сказал бы: *этого мало*, а согласился бы с предложением. Вместо этого — он предлагает Государю сделать мне — *выговор*, меру, вне закона состоящую и действительно не соответствующую вине, и этим умышленно-ложным заступничеством погубил газету. Прочтите теперь *прилож[ение] 2-ое*, отношение Головнина в Ценз[урный] комитет²³. Предполагаю, что прочли. Вот что Вам следует заметить.

* Далее начато, но зачеркнуто: впечатле[ние].

** Вставлено над строкой вместо зачеркнутого слова «поступит».

1. Головнин просто надул Государя, украв, так сказать, *справку*, и заставил его поступить незаконно. Государь сам говорит о том, что его воля основана на законе, и тут же сам нарушает закон. Закон этот никогда до сих пор не был в действии, и при первом случае его применения — поступили не по закону! К чему же было издавать закон, подтверждать его, делать в нем ссылку на 310 статью, — если исполнять только одну половину закона — требование, а другую половину — последствия нарушения закона — оставлять без исполнения? Запрещать мне издавать газету — мера, не на законе основанная, а потому и опираться на закон — против меня нет основания, и требовать от меня законности не имеют права! Если бы Головнин не прикинулся вдруг таким великодушным, что считал достойным *выговора*, если бы он указал Государю, по крайней мере, что закон требует такого-то наказания, то Государь велел бы поступить по закону. Государь не может помнить всех законов, приводить их на справку есть обязанность министра. Прошу Вас обратить внимание также на эту низкую заботливость — выгородить себя и свалить всю вину в этом деле на Государя. К чему рассказывать подчиненным местам, что он представлял о том-то (вот де я каков!), но что Государь — захотел противного! Впрочем — это он всегда делает, стараясь обмануть и Государя, и общественное мнение; — первого ему удастся обмануть, но общественное мнение в течение этих пяти месяцев сложилось об нем, как о человеке самой низкой души. Все те бумаги, которые — он знает, не могут не дойти до публики, такого рода, что, подводя Государя к какой-нибудь несправедливой или странной резолюции, он предает его всего на общественное осуждение, а сам становится как бы в стороне. Этому тысяча примеров. —

2. Я сказал, что Головнин *прикинулся* великодушным так некстати. Вот Вам доказательство, что дело было ведено прямо к цели, которой и достигли; что эта резолюция Государя, по-видимому, только что пришедшая ему в голову, не была неожиданностью и была предвидена даже в частностях. В одно время со 2 запросом получил я письмо от Оболенского, — который один-единственный из всех моих знакомых мог предложить мне подлость — объявить имя! Ну да он готовится в министры. Вот что, между прочим, пишет этот несчастный, *только что вернувшись от Головнина*: «Ежели тебя утешает мысль пасть жертвою благородного поступка, то и это тебе не удастся: «*День*» не запретят, но скажут, чтоб передать другому редактору, ежели такового нет, то издание само собою прекратится. Ты хочешь предстать пред Россиею Дон Кихотом, но кроме глупой молодежи никто не скажет, что ты *молодец*»²⁴, — и пр[очее] в таком же вкусе. В записке, которую ему писал Головнин и которую он переписал в своем письме,

Головнин пишет ему: «„День“ будет запрещен, а он (Аксаков) отдан под суд». Последнего-то именно и не случилось, потому что ему было нужно собственно первое. Вспомните, что это было писано за неделю, если не больше, до резолюции Государя. Не странным ли после этого является ходатайство Головнина — о *выговоре* только! За два дня до этого он успел раздражить Государя ложной выпиской из моей статьи о законах по книгопечатанию! Вообразите, что составление для Государя выписки из моей газеты (Государю представляют такие же обозрения русской литературы, какие делаются в М[инистерст]ве иност[анных] дел по иностран[ным] газетам²⁵) он поручил Капнисту, лишившемуся места цензора из-за «Паруса», моему злейшему врагу и ограниченному, глупому человеку²⁶. Государь, прочтя выписку, чрезвычайно раздражился и велел сделать выговор председателю Ценз[урного] комитета сенатору Щербинину. Головнин, сообщая выговор, в свое оправдание, прислал все бумаги по этому делу. Как Щербинин и цензора увидели выписку, так и ахнули от ужаса: злонамереннее и недобросовестнее исказить смысл моей статьи, опустив все существенное и взявши две-три фразы, при этом впусивши туда собственные произвольные выводы, — лживее выписки сделать нельзя было²⁷. Что же Головнин? Вместо того, чтобы доложить Государю самую статью и разругать Капниста, он опять выкидывает штуку — un faux air * заступничества: представляет Государю в оправдание Щербинина, что, может быть, было бесполезно напечатать скверную статью Аксакова, чтобы подвергнуть ее справедливой критике и т. п. Государь, разумеется, отвечал, что это Щербинина не оправдывает. Всю эту штуку Головнин подвел за два дня или даже за день до своего ходатайства о *выговоре* мне!

В моем ответе Вы, конечно, не сомневайтесь. Накануне я получил от автора статьи письмо: встревоженный слухами, он просит меня, если только дело дойдет до запрещения газеты, пожертвовать им и спасти газету, — но, разумеется, я именно теперь и не могу объявить имя. Во-1х подумают, что я струсил, во-2х это не поможет мне, а погубит только его, и Урусов его непременно ушлет в Соловки! —

Но я вот в каком был недоумении. Сказано в резолюции Государя: лишить *меня* права, и проч[ее]; не сказано «День» запретить. Следовательно — я могу, как советовал и Оболенский (в новом письме) **, передать «День» другому и издавать (по крайней мере издать эти 18 №№, которые я должен публике из 52-х) под чужим именем, но совершенно так же, как и теперь, выставя под всеми статьями мое имя, как будто сотрудника²⁸. С другой

* Притворный вид (*фр.*).

** Слова в скобках вставлены над строкой.

стороны, я почти убежден, что это ловушка со стороны Головнина. Он хочет только ослабить впечатление публики, которая находится в недоумении — запрещен ли «День» совсем или же нет. Передать другому редактору он не позволит, но протянет дело месяца два, а между тем публика попривыкнет, и проч[ее] и проч[ее]. Тем не менее — я обязан испытать все средства, и потому я в своем ответе прямо объявляю, что передаю другому, именно Чижову, который, разумеется, дает только имя, а вмешиваться в издание не будет. Вот Вам и ответ мой, прочтите теперь *приложение № 3* ²⁹.

К чему припутал тут Головнин москов[ского] генерал-губернатора — это непонятно, да и никогда этого прежде не бывало. Тучков ³⁰ все эти дни присылал спрашивать Ценз[урный] комитет — упорствую я или не упорствую? И, получив наконец ответ, что — упорствует! — предписал обер-полицейстеру, тот — частному приставу, пристав — квартальному, квартальный прислал своего помощника — объявить мне Высоч[айшее] повеление (которое уже мне объявлено Ценз[урным] комитетом!) «*о воспрещении мне продолжать издание журнала „День“*».

Что Вы на все это скажете, княгиня? Будет ли после того князь защищать своего приятеля — Головнина? И нашли минуту запрещать «День»! Когда очевидны стали плоды проповеди материализма и нигилизма, когда так нужны органы литературы честные, положительные, не отрицательные, и так их мало, или они так бессильны... Запрещение «Дня» расчищает поле просторное для действия Чернышевского и К° и совершенно совпадает с душевными желаниями жидов, немцев и всего, что есть скверного в русском обществе. Не роковая ли это глупость со стороны правительства? Не выражается ли в этом то историческое отношение правительства петербургского к русской народности, которое проявлялось уже столько раз и так постоянно? Не лучшее ли это доказательство, что петерб[ургские] демагоги и петерб[ургский] правительственный муж в тайном родстве между собою, дети одной матери — Петербурга, и равно ненавидят и русскую народность, и все, что носит на себе печать независимости духа? — «День» имеет огромное значение, о котором Вы с князем даже и судить не можете, которое известно лучше всего редактору, получающему тысячи писем из разных концов России...

Неделю тому назад был вечер в Царском Селе. Императрица была так добра, что подала Государю мое объяснение, но Государь (выписываю из письма, полученного по почте) «*a dit avec assez d'irritation, qu'il trouvait mauvais que Vous Vous sentiez engagé d'honneur vis-à-vis de l'auteur d'un article, tandis que vous ne trouviez pas engagé d'honneur vis-à-vis de lui et de son gouvernement. Il était si fâché, qu'il a même répété cette phrase à Dolgorouky* ³¹

à la soirée, devant plusieurs personnes, se qui ne lui arrive presque jamais)*. Алексей Толстой³², который был тут же на вечере, на другой день утром отправился к Государю и стал было ему доказывать, что иначе поступить нельзя было, что он сам бы поступил точно так же, — но Государь сказал ему: pas un mot la dessus! **³³ Толстой мне это сам передал. Жаль, что трудно объяснить Государю, что честь и такт — это две сферы разные, что обязательства чести не имеют другой гарантии кроме самой чести, и потому-то и святы, что нарушение их очень легко, не ведет нарушителя ни к каким последствиям вредным, ни к каким наказаниям по закону, тогда как обязательства пред законом ограждены наказаниями, и всякое нарушение оценено, тапсировано: за такое-то нарушение такое-то наказание. Я и имел это в виду, и не избегал ответственности по закону!..

Ответа на мой последний ответ из П[етер]бурга еще нет. — Разумеется, запрещение «Дня» огорчило матушку³⁴ едва ли не больше, чем меня! Но, признаюсь, и для меня отстаться вдруг без всякого дела, и когда так хорошо пошло дело — тяжело. —

Маменька и сестры³⁵ здоровы. Сестра Вера была больна расслаблением мускулов, но теперь ей лучше, и они все на днях собираются ехать в подмосковную³⁶.

Прощайте, княгиня, укрепляйтесь в Вашем здоровье летом. Скажите князю, что я его обнимаю и очень жалею, что так давно его не видал. Что он думает о моем деле? Читал ли он хоть «День»? — Если бы граф[иня] Блудова³⁷ была в П[етер]бурге, может быть, этого бы не случилось: она заставила бы старика графа³⁸ идти к Государю и сказать ему, как не согласна с законом его резолюция, и проч[ее] и проч[ее].

Прощайте, княгиня.

Ваш Ив. Аксаков.

Примечания

¹ Александр Васильевич Головин (1821—1886) — с 25 декабря 1861 г. по 6 декабря 1862 г. управляющий Министерством народного просвещения, а затем до 1866 г. министр народного просвещения. См. о нем во вступительной статье.

* сказал с изрядным раздражением, что он находит неуместным, что Вы считаете себя связанным обязательством чести перед автором статьи, но не считаете себя связанным таковым обязательством перед ним и перед его правительством. Он был в таком раздражении, что повторил эту фразу Долгорукому вечером в присутствии третьих лиц, чего он почти никогда не делает (*фр.*).

** ни слова об этом! (*фр.*).

² Окружение великого князя Константина Николаевича, резиденцией которого являлся Мраморный дворец в С.-Петербурге. К нему принадлежал и Головнин, в 1850—1862 гг. служивший под руководством великого князя в Комитете для пересмотра, дополнения и общего свода морских уставов. Великий князь был внимательным и заинтересованным читателем «Дня» с первых его номеров (1857—1861: Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича / сост. Л. Г. Захарова и Л. И. Тютюнник. М., 1994. С. 347, 351).

³ Юрий Федорович Самарин (1819—1876) — публицист, славянофил, в 1846—1853 гг. служил на различных должностях в учреждениях Министерства внутренних дел, и, вероятно, тогда он познакомился с Головниным; участник подготовки Крестьянской реформы: в 1858—1859 гг. член Самарского губернского комитета, в 1859—1862 гг. член Редакционных комиссий; в 1861—1863 гг. член Самарского губернского по крестьянским делам присутствия.

⁴ Владимир Иванович Ламанский (1833—1914) — историк, славист; в 1858—1862 гг. служил старшим архивариусом архива Министерства иностранных дел; сотрудник «Дня» со 2-го номера газеты.

⁵ Ламанский В. И. Евдоким Михайлович Кравков, дворянин-старовер // День. 1862. 21 апреля (№ 28). С. 1—5. Е. М. Кравков (1744 — после 1796) — отставной капитан-лейтенант, принявший старообрядчество, за что в 1784 г. был арестован и по указанию Екатерины II отдан под следствие; в 1785 г. объявлен сумасшедшим и заключен в Ревельскую крепость. Статья заканчивалась недвусмысленным обвинением в адрес «тайной полиции»: «И не есть ли случай с Кравковым одна из самых обыкновенных историй в летописях всех прежних и нынешних полицейско-военных государств, в которых тайная полиция не только разыскивает и предупреждает преступления, но сама судит и наказывает людей, по ее мнению, виновных, обладает бесконтрольною властью, распоряжается огромными тайными суммами и заправляет внешнею и внутреннею политикою страны? С этой высшей точки зрения, я боюсь, история бедного Кравкова покажется русскому читателю самым незначашим анекдотом» (Памятники новой русской истории : сб. ист. ст. и материалов, издаваемый В. Кашпиревым. СПб., 1871. Т. 1. С. 48).

⁶ Михаил Павлович Щербинин (1807—1881) — сенатор, в 1860—1865 гг. председатель Московского цензурного комитета.

⁷ 22 апреля Головнин отвечал Щербинину, что «Примечание» «весьма основательно не допущено к печати» в «Дне» и «необходимо строже цензуровать это издание» (Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 115).

⁸ Щербинин, отсылая Головнину эту статью, действовал согласно его указанию. 7 января 1862 г. цензор Московского цензурного комитета Гиляров-Платонов рассказывал в письме Блудовой о предписании министра «статьи „Дня“, запрещенные цензором, посылать к нему» (Бадалян Д. А. «...Загорелся сыр-бор за статью о духовенстве»... С. 436). Затем Головнин «предписал Московскому цензурному комитету доставлять постоянно все статьи, которые не будут пропускаемы в Москве», и потребовал прислать ему статьи, запрещенные московской цензурой за весь 1861 г. Об

этом управляющий министерством 4 марта сообщил Александру II. Тот наложил на его докладе резолюцию: «Будет полезно для наблюдения за общим направлением» (ОР РНБ. Ф. 208. Д. 98. Л. 89).

⁹ Петр Александрович Валуев (1814—1890) — в 1861—1868 гг. министр внутренних дел. См. о нем во вступительной статье.

¹⁰ Аксаков не дословно пересказал текст предписания Головнина Щербинину от 12 мая (ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 464. Л. 5—5 об.), в начале которого управляющий министерством сообщал: «Г. Министр внутренних дел при письме от 9 мая, № 1178, доставил мне список с присланной Вашим превосходительством при письме от 20 апреля и не допущенной Вами к печати статье». Слово «цензуру» подчеркнуто здесь Аксаковым дважды. Очевидно, он стремился указать на то, что прямым образом выразил прежде в письме к Оболенскому: «Не смеет подавать в цензуру вредных мыслей! Да для чего же цензура? <...> Да и почему я знаю, что вредно, что не вредно? Это знает цензура» (РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 30. Л. 68 об.).

¹¹ Великому князю Константину Николаевичу. Князь Д. А. Оболенский писал Аксакову о Головнине около 17—19 мая 1862 г.: «Твое подозрение, будто бы он сообщил твою статью о Кравкове Валуеву — несправедливо — Валуев сам достал эту статью, великий князь тоже получил ее не от Головнина, а, напротив, поручил мне спросить Головнина, знает ли он об ней» (РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 437. Л. 41 об. — 42).

¹² Дмитрий Александрович Оболенский (1822—1881) — князь, друг детства и юности И. С. Аксакова, статс-секретарь, действительный статский советник; с 1853 г. служил на различных должностях в Морском министерстве, что сблизило его с генерал-адмиралом великим князем Константином Николаевичем; председатель Комиссии для пересмотра, дополнения и изменения постановлений о книгопечатании. Оболенский побывал у великого князя 11 или 12 мая: о полученном им вызове он сообщил Аксакову письмом от 11 мая, а о самой встрече — отдельным недатированным письмом (РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 437. Л. 16 об., 39).

¹³ Письмо Оболенского с изложением сказанного ему великим князем Константином Николаевичем сохранилось не полностью. Приведем почти целиком дошедшую до нас часть: «Сегодня я был у великого князя. — Он полон негодования против тебя за примечание к Кравкову и за враждебный правительству тон лишь твоих последних статей. Вместо того, чтобы содействовать возрождению прав земства и помогать лицам, которые искренно желали бы в началах русской жизни искать основу прочных преобразований, — ты делаешь невозможной всякую деятельность в этом смысле, ибо раздражительными и дерзкими статьями своими выставляешь учение свое совершенно противным всякому правительству. — Наконец ругательными словами, которыми клеймишь память прабабки, и проч[ими] ты возмущаешь естественное чувство, которое заговорило бы и в тебе, когда бы речь зашла о твоих родителях. — Какая цель подражать памфлетам? Неужели может быть польза? — Одним словом, пропадает всякая охота и всякая возможность защищать. — Лично вредишь всем намерениям. Все это желательно бы и полезно бы было тебе высказать словесно. Поэтому ежели только имеешь возможность, то приезжай сюда хотя бы на один день» (РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 437. Л. 39—39 об.).

¹⁴ Ред. [Аксаков И. С.] Очерк городского местного духовенства. Несколько пред-варительных слов от редакции // *День*. 1862. 12 мая (№ 31). С. 2—3. Сама статья: *К-нь*. Очерк местного городского православного духовенства из одного провинциального города Западной России // Там же. С. 3—7.

¹⁵ Преподаватель Виленской духовной семинарии К. Ф. Еленевский.

¹⁶ Сергей Николаевич Урусов (1816—1883) — князь, с 1859 г. директор Духовно-учебного управления при Святейшем Синоде, член Главного управления цензуры от православного ведомства, в 1859—1863 гг. неоднократно временно исправлял должность обер-прокурора Св. Синода, с 4 марта 1862 г. статс-секретарь.

¹⁷ Запрос Московского цензурного комитета датирован 19 мая (РО ИРЛИ. Ф. 3 (Аксаковы). Оп. 5. Д. 26. Л. 14).

¹⁸ РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 116. Л. 16; РО ИРЛИ. Оп. 5. Д. 26. Л. 15. См.: *Бадалян Д. А.* «...Загорелся сыр-бор за статью о духовенстве»... С. 457—458.

¹⁹ Согласно 61-й статье Устава цензурного, редактор периодического издания обязан был знать имена, звания и места жительства авторов публикуемых им статей и сообщать их «по первому требованию правительства» (Свод законов Российской Империи. Изд. 1857 г. СПб., 1857. Т. 14. С. 13).

²⁰ Комиссии для пересмотра, дополнения и изменения постановлений о книгопечатании, которой руководил Оболенский.

²¹ Приложение в деле отсутствует. Очевидно, это была копия с «объяснения» Аксакова, представленного в Московский цензурный комитет 30 мая 1862 г. (опубликовано: 1) в качестве приложения к: *Бадалян Д. А.* «...Загорелся сыр-бор за статью о духовенстве»... С. 463—466; 2) по другим копиям: Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина (1848—1876) / подгот. изд. *Т. Ф. Пирожкова, О. Л. Фетисенко и В. Ю. Шведова*. СПб., 2016. С. 130—132; *Вихрова Н. Н.* Цензурные материалы, касающиеся издания газеты «*День*» // *Славянофильский архив*. СПб., 2017. Кн. 5: «*День*» И. С. Аксакова: история славянофильской газеты: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / под общ. ред. *Н. Н. Вихровой, А. П. Дмитриева и Б. Ф. Егорова*. С. 470—472).

²² Анна Федоровна Тютчева (1829—1889) — старшая дочь Ф. И. Тютчева, с 1853 г. фрейлина цесаревны (с 1855 г. императрицы) Марии Александровны; в 1858—1865 гг. воспитательница младших детей императорской четы (великой княжны Марии, великих князей Сергея и Павла); с 12 января 1866 г. жена Аксакова.

²³ Приложение в деле отсутствует. Очевидно, оно представляло собой копию предписания Головнина от 4 июня 1862 г. Оно опубликовано: Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина (1848—1876)... С. 132—133; *Вихрова Н. Н.* Цензурные материалы, касающиеся издания газеты «*День*»... С. 472—473.

²⁴ Письмо Оболенского Аксакову с подобным текстом неизвестно. Вероятно, оно не сохранилось. 24 января 1881 г., через день после кончины Оболенского, Аксаков писал Е. А. Свербеевой: «У меня с ним были не столько дружеские, сколько *братские* отношения в течение 42-х лет! (...) Он же, с своей стороны, ни разу, *никогда ни при каких обстоятельствах не изменял этой товарищеской и братской связи*, хотя иногда в Петербурге это ставилось ему в вину и отчасти было причиной, почему не дали ему

министерского места. (Правда — тут помехою были не только его отношения ко мне, но и к Самарину.)» (РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. № 620. Л. 45).

²⁵ Об обозрениях периодической печати, которые на рубеже 1850—1860-х гг. стали готовить для Александра II, см.: *Бадалян Д. А.* Журналист, общественное мнение и власть: издания М. Н. Каткова в «царских обозрениях» 1860—1866 годов // Тетради по консерватизму. 2018. № 3. С. 89—93.

²⁶ Петр Иванович Капнист (1830—1898) — граф, писатель, публицист, с 1855 г. служил секретарем Московского цензурного комитета, с 1858 г. — цензором; 7 февраля 1859 г., после упущений при просмотре газеты Аксакова «Парус», уволен из-за «недостаточности цензурских способностей»; с 1860 г. секретарь канцелярии Главного управления цензуры; с 17 января 1862 г. чиновник особых поручений при министре народного просвещения. В этом качестве он присоединился к П. К. Щебальскому, который с 1859 г. составлял обозрения печати для Александра II. Подробнее см.: *Цензоры Российской империи, конец XVIII — начало XX века: биобиблиогр. справ.* СПб., 2013. С. 192.

²⁷ Обозрение печати № 95 от 26 мая 1862 г., как и все подобные обозрения, не имеет подписи составителя и переписано аккуратным писарским почерком (ОР РНБ. Ф. 208. Д. 113. Л. 41—42). Поэтому нет возможности судить, кто из трех занятых «царскими обозрениями» чиновников (П. К. Щебальский, П. И. Капнист или Е. М. Феоктистов) готовил именно это. Оно представляет собой краткий пересказ проекта закона, предложенного Аксаковым. Прочитовав несколько основных его положений, составитель обозрения сосредоточил внимание на аспектах, не отвечавших интересам власти, и не упомянул о строгих наказаниях (до 6 месяцев тюремного заключения), которые Аксаков предлагал налагать за открытие незарегистрированной типографии или выпуск анонимной продукции. При чтении обозрения Александр II отметил три фразы, которые не следовало бы пропускать в печать. Его замечания касались первого пункта проекта, утверждавшего «за каждым безусловное право на свободу речи изустной и печатной», и заявлений, что власти не могут прекратить распространение издания без приговора суда (*Бадалян Д. А.* «...Загорелся сыр-бор за статью о духовенстве»... С. 453).

²⁸ Уже 9 июня Аксаков сообщил Московскому цензурному комитету о передаче своей газеты славянофилу и предпринимателю Ф. И. Чижову, а 14 июня они оба подали официальное о том прошение. Однако 20 июня Головин направил в московскую цензуру отказ в утверждении Чижова в должности редактора (Письма и документы Ю. Ф. Самарина и А. В. Головина о возобновлении издания газеты «День» (июнь — октябрь 1862 г.)... С. 310—313). После этого между Головинным и Аксаковым продолжились переговоры о новом редакторе газеты.

²⁹ Приложение в деле отсутствует. Очевидно, оно представляло собой копию заявления Аксакова в Московский цензурный комитет. Оно опубликовано: *Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина (1848—1876)*... С. 133; *Вихрова Н. Н.* Цензурные материалы, касающиеся издания газеты «День»... С. 474.

³⁰ Павел Алексеевич Тучков (1803—1864) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии, член Государственного совета, в 1859—1864 гг. генерал-губернатор Москвы.

³¹ Василий Андреевич Долгоруков (1804—1868) — князь, с 1845 г. генерал-адъютант, с 1853 г. член Государственного совета, в 1856—1866 гг. главный начальник III отделения и шеф Корпуса жандармов.

³² Алексей Константинович Толстой (1817—1875) — граф, поэт, драматург, прозаик, флигель-адъютант, действительный статский советник; имея влияние в придворных кругах, он оказывал поддержку литераторам, и среди них Аксакову, с которым был давно знаком, в том числе по участию в славянофильском журнале «Русская беседа». В газете «День» Толстой опубликовал стихотворения «Государь ты наш, батюшка...» (1861. 11 ноября (№ 5). С. 3) и «На нивы желтые нисходит тишина...» (1862. 3 февраля (№ 17). С. 1).

³³ 4 июня 1862 г. Толстой писал С. А. Миллер: «Я пытался спасти Аксакова, но неудачно» (*Толстой А. К.* Полное собрание сочинений и письма. М., 2018. Т. 5: Дневник. Письма. С. 153).

³⁴ Ольга Семеновна Аксакова (урожд. Заплата; 1793—1878).

³⁵ Вера (1819—1864), Надежда (1829—1869), Любовь (1830—1867), Мария (1831—1906), София (1835—1885) Сергеевны Аксаковы.

³⁶ Усадьба Абрамцево, принадлежавшая Аксаковым в 1843—1870 гг.

³⁷ Антонина Дмитриевна Блудова (1813—1891) — графиня, фрейлина (с 1865 г. камер-фрейлина) императрицы Марии Александровны; используя свои светские связи и связи отца графа Д. Н. Блудова, она оказывала поддержку Аксакову и другим славянофилам.

³⁸ Дмитрий Николаевич Блудов (1785—1864) — граф, председатель Государственного совета и Комитета министров, президент Академии наук.